

ГЛАВА IX. Спрятаться у всех на виду

Как коренные жители Америк изобрели социальное жильё и демократию

Примерно в 1150 году н. э. народ мешика покинул место под названием Ацтлан — мы не знаем точно, где оно находилось, — и отправился на юг, чтобы обосноваться в самом сердце долины Мехико, которая теперь носит его имя[525]. Там мешика со временем создали империю, Тройственный союз ацтеков[526], со столицей в Теночтитлане, городе-острове на озере Тескоко — одном из звеньев в цепи больших озер и городов на их берегах, окруженных горами. Не имея собственной городской традиции, мешика построили Теночтитлан по образцу обнаруженного ими в долине на расстоянии примерно одного дня пути разрушенного и покинутого людьми города. Они назвали этот город Теотиуаканом, что означает «место богов».

К тому моменту в Теотиуакане уже давно никто не жил. В XII веке, когда туда прибыли мешика, никто, видимо, даже не помнил изначальное название города. Тем не менее переселенцы, очевидно, нашли этот город — с двумя огромными пирамидами, возведенными напротив Серро-Гордо, — одновременно чуждым и манящим, а также слишком большим, чтобы просто его проигнорировать. Они не только использовали его в качестве образца при возведении собственного великого города, но и увековечили Теотиуакан в мифах, увековечив его останки в названиях и символах. В итоге мы и сегодня в значительной степени видим Теотиуакан глазами ацтеков (кулхуа-мешико)[527].

Письменные свидетельства о Теотиуакане, относящиеся к тому времени, когда в нем еще жили люди, включают в себя несколько интригующих надписей майя из низменностей, расположенных далеко на востоке. В этих надписях город назван «страной с камышом», что соответствует слову «толлан» в языке науатль и вызывает в воображении образ идеального первобытного города у воды[528]. Помимо этого, у нас есть только сделанные в XVI веке переводы хроник, написанных на испанском и науатль. В них Теотиуакан описывается как место со множеством горных водоемов и край первозданной пустоты, из которой в начале

времен возникли планеты. За планетами последовали боги, а за богами — загадочная раса людей-рыб, чей мир должен был быть разрушен для того, чтобы освободить место для нашего.

С исторической точки зрения такие источники не очень полезны, прежде всего потому, что у нас нет возможности узнать, рассказывались ли эти мифы в самом городе, когда в нем еще жили люди, или же они были просто придуманы ацтеками. Но эти истории продолжают жить в настоящем. Например, именно ацтеки придумали такие названия, как «Пирамида Солнца», «Пирамида Луны» и «Дорога мертвых», которые до сих пор используются археологами и туристами для обозначения наиболее заметных монументальных сооружений города и дороги, которая их связывает[529].

При всём своем мастерстве в астрономических вычислениях строители Теночтитлана либо не знали, когда люди покинули Теотиуакан, либо не считали важным знать это. Но хотя бы в этом случае археология способна заполнить имеющиеся пробелы. Сегодня мы знаем, что Теотиуакан расцвел за восемьсот лет до прихода мешика и более чем за тысячу лет до прибытия испанцев. Он был основан около 100 года до н. э. и пришел в упадок около 600 года н. э. Нам также известно, что в этот период Теотиуакан стал городом такого уровня величия и изысканности, что легко мог бы сравниться с Римом на пике его имперского могущества.

Мы не знаем точно, был ли Теотиуакан, подобно Риму, центром великой империи, но даже по самым скромным подсчетам его население составляло около ста тысяч человек[530] (что в пять раз больше предполагаемого населения Мохенджо-Даро, Урука или какого-либо другого из древнейших городов Евразии, которые мы обсуждали в предыдущей главе). Во времена расцвета города в долине Мехико и на прилегающих к ней землях проживало, вероятно, не менее миллиона человек, многие из которых посещали этот великий город лишь однажды, или, возможно, только знали кого-то, кто там бывал, но тем не менее считали Теотиуакан важнейшим местом во Вселенной.

С этим в целом согласны практически все ученые и историки, занимающиеся Древней Мексикой. Больше споров вызывает вопрос о том, каким городом был Теотиуакан и как он управлялся. Если вы зададите этот вопрос специалисту по мезоамериканской истории или археологии (как мы неоднократно делали), то вы, скорее всего, получите следующую реакцию: он закатит глаза и смиренно признает, что в этом месте есть что-то «странное». Не только из-за исключительных размеров Теотиуакана, но и из-за того, что он упрямо отказывается соответствовать нашим представлениям о том, как должен был функционировать древний мезоамериканский город.

Читатели, вероятно, уже догадались, что ждет их дальше. Всё указывает на то, что на пике своего могущества жители Теотиуакана нашли способ осуществлять самоуправление без участия правителей — как до этого сделали жители более древних городов доисторической Украины, Месопотамии урукского периода и Пакистана бронзового века. Но им удалось это сделать на совершенно ином технологическом фундаменте и в гораздо более крупном масштабе.

Но для начала немного предыстории.

Как мы уже видели, когда в истории появляются единоличные правители, они обязательно оставляют характерные следы: дворцы, богатые захоронения и монументы, прославляющие их завоевания. Всё это верно и для Мезоамерики.

Если говорить о регионе в целом, то мы видим несколько династических государств, которые располагались вдалеке от долины Мехико, на полуострове Юкатан и на прилегающих к нему возвышенностях. Современные историки называют эти государства классическими майя (около 150–900 года н. э. — термин «классический» также используется применительно к древнему письменному языку и самому историческому периоду). В таких городах, как Тикаль, Калакмуль и Паленке, преобладали царские храмы, стадионы для игры в мяч (площадки для состязательных и довольно жестоких игр), изображения войны и униженных пленников (их часто публично убивали после игр в мяч), сложные календарные ритуалы в честь предков правителей, а также записи о деяниях и биографии ныне живущих правителей. Сейчас всё это воспринимается как «стандартный набор» мезоамериканских царств, к которым относят древние города, разбросанные по всему региону: от Монте-Альбана (в Оахаке, около 500–800 года н. э.) до Тулы (в Центральной Мексике, около 850–1150 года н. э.) и, возможно, дальше на север до Кахокии (современный Ист-Сент-Луис, около 800–1200 года н. э.).

Удивительно, но в Теотиуакане, кажется, всего этого не было. В отличие от городов майя, там встречается мало надписей[531]. (По этой причине мы не знаем, на каком языке разговаривало большинство жителей Теотиуакана, хотя нам известно, что город был довольно космополитичным, в нем проживали как майя, так и сапотеки, знавшие письменность[532].) Однако до нас дошло множество произведений изобразительного искусства. Жители Теотиуакана были умелыми ремесленниками и художниками, оставившими после себя множество различных предметов: от монументальных скульптур из камня до крошечных терракотовых фигурок, помещающихся на ладони, и настенных рисунков, на которых кипит жизнь (представьте уличные сцены с полотен Брейгеля с присущим им карнавальным духом и будете близки к истине). Тем не менее нигде среди нескольких тысяч подобных рисунков мы не находим ни одного изображения правителя, который бы калечил, связывал или другим образом проявлял власть над своими подданными, — в то время как в произведениях искусства майя или сапотек того же периода эта тема встречается постоянно. Сегодня ученые ищут на обнаруженных в Теотиуакане изображениях что-то похожее на фигуру правителя, но поиски не приносят особых результатов. Часто складывается впечатление, что местные художники целенаправленно противостояли таким попыткам — например, изображая всех участников сцены абсолютно одинакового роста.

Также бросается в глаза отсутствие в Теотиуакане одного характерного для древних мезоамериканских царств явления — церемониальной игры в мяч[533]. В городе не было найдено ничего похожего на величественные захоронения Сиях-Чан-Кавиля в Тикале или Кинич-Ханаб-Пакаля в Паленке. И не потому что археологи недостаточно старались. Они прочесали древние туннели вокруг пирамид Солнца и Луны и под храмом Пернатого змея, но обнаружили, что те ведут не к царским захоронениям (пускай даже и разграбленным), а

к хтоническим лабиринтам и покрытым наростами минералов святыням, которые, безусловно, воплощали собой иные миры, но не были местом захоронения священных правителей[534].

Некоторые исследователи утверждают, что жители Теотиуакана зашли еще дальше в своем сознательном отказе от общепринятых правил. Например, художники города, судя по всему, знали о формальных и композиционных принципах своих мезоамериканских соседей, но намеренно их переворачивали. Если искусство майя и сапотеквов опиралось на традицию рельефной резьбы древних ольмеков из Веракруса, отдавая предпочтение изгибам и плавным формам, то скульпторы из Теотиуакана изображали людей и человекоподобные фигуры в виде плоских композиций, плотно прилегающих к угловатым блокам. Несколько десятилетий назад эти контрасты привели Эстер Пастори — венгеро-американскую исследовательницу истории искусств, посвятившую большую часть своей карьеры изучению искусства Теотиуакана, — к радикальному выводу. Она утверждала, что между высокогорным Теотиуаканом и равнинными майя происходила сознательная культурная инверсия — то, что мы уже называли схизмогенезом, — но теперь уже в масштабе городских цивилизаций[535].

С точки зрения Пастори, жители Теотиуакана создали новую художественную традицию для выражения различий между их обществом и современными им другими обществами Мезоамерики. Они отказались от визуального тропа правителя и раба, а также в целом от прославления аристократии. В этом отношении их искусство радикально отличалось как от более ранней культурной традиции ольмеков, так и от искусства современных им государств майя. Если изобразительное искусство Теотиуакана что-то и прославляет, настаивала Пастори, то это — сообщество как целое и его коллективные ценности, которые на протяжении нескольких столетий успешно позволяли избегать возникновения «династических культов личности»[536].

Согласно Пастори, Теотиуакан не просто был «антидинастическим» по своему духу, но и представлял собой утопический эксперимент в области организации городской жизни. Его строители думали о себе как о создателях города нового типа, Толлана для народа, без господ и царей. Другие исследователи, шедшие по следам Пастори и исключившие практически все другие возможные варианты, пришли к аналогичным выводам. Они заключили, что на заре своего существования Теотиуакан двигался по пути к авторитарному правлению, но затем около 300 года н. э. неожиданно повернул в обратную сторону: возможно, произошла своего рода революция, результатом которой стало более равное распределение городских ресурсов и установление некоего «коллективного управления»[537].

Общий консенсус среди специалистов по истории города состоит в том, что Теотиуакан управлялся в соответствии с некими сознательно проводимыми в жизнь эгалитарными принципами. Как мы увидели, подобные случаи в истории человечества — не такая уж редкость и аномалия, как привыкли думать все, включая исследователей. Если мы рассмотрим Теотиуакан в общем мезоамериканском контексте, то придем к такому же выводу. Этот город не появился из ниоткуда. Возможно, у мезоамериканских царств действительно был свой узнаваемый «набор» характерных черт, но в этом регионе также

существовала совершенно иная, осмелимся сказать, республиканская традиция.

В этой главе мы собираемся осветить аспект социальной истории Мезоамерики, который долгое время игнорировался: городские республики, крупномасштабные проекты социального обеспечения и индигенные формы демократии, которые существовали вплоть до испанского завоевания и продолжили существовать после него.

Раздел, в котором сначала мы поговорим о королях-чужеземцах{76} в низменностях майя, а затем об их связях с Теотиуаканом

Покинем Теотиуакан, а также долины и плато Центральной Мексики и переместимся в тропические лесные царства классических майя, чьи руины лежат к востоку от города — на мексиканском полуострове Юкатан и на территории современных Гватемалы, Белиза, Гондураса и Сальвадора. В V веке н. э. здесь происходит кое-что примечательное в искусстве и письменности этих городов-государств майя, в том числе и Тикаля, самого крупного и знаменитого среди них.

На изображениях этого периода, искусно вырезанных на монументах майя, мы видим фигуры людей, сидящих на тронах в чужеземной одежде с оружием в теотиуаканском стиле (копьеметалки, называемые атлатль, щиты с перьями и так далее), которые явно отличаются от одежды и амуниции местных правителей. Археологи, работающие в Западном Гондурасе, недалеко от границы с Гватемалой, раскопали захоронения, которые, судя по погребенным вещам, должны быть могилами этих чужеземных королей. Они располагаются на нижнем уровне храма в поселении Копан, которое впоследствии перестраивалось семь раз. Согласно найденным глифическим надписям, по крайней мере некоторые из этих правителей прибыли из «страны с камышом»[538].

Есть (как минимум) две вещи, которые здесь с трудом поддаются объяснению. Во-первых, почему в Тикале мы видим изображения людей, сидящих на тронах и напоминающих правителей Теотиуакана, в то время как в самом Теотиуакане никаких подобных изображений нет? Во-вторых, как Теотиуакан смог организовать успешную военную экспедицию против царства, расположенного более чем в 600 милях от него? Большинство экспертов считают, что последнее было просто невозможно по логистическим соображениям, и они, по всей видимости, правы (но мы должны рассматривать все возможные варианты; в конце концов, кто, исходя из подобных соображений, мог предвидеть, что разношерстная банда испанцев разрушит многомиллионную мезоамериканскую империю?). Первый вопрос определенно требует более внимательного рассмотрения. Действительно ли люди, изображенные в виде восседающих на тронах правителей, были из Центральной Мексики?

Вполне возможно, что перед нами местные правители, у которых был вкус к экзотике. Из произведений искусства и сохранившихся надписей мы знаем, что вельможам майя иногда нравилось наряжаться в воинское снаряжение Теотиуакана, иногда у них были видения духов Теотиуакана перед ритуальным кровопусканием и вообще они любили изображать из себя «дам и господ с Запада». Майя жили достаточно далеко от Теотиуакана, чтобы воспринимать его как место экзотических фантазий, своего рода далекую страну Шангри-Ла. Но есть основания полагать, что этим дело не ограничивалось. Как минимум, люди регулярно перемещались между двумя регионами. Obsidian из Теотиуакана украшал богов майя, а божества Теотиуакана носили зеленые перья кетцала из низменностей майя. Наемники и торговцы двигались в обоих направлениях, а за ними следовали паломники и дипломаты; иммигранты из Теотиуакана строили храмы в городах майя, а в Теотиуакане даже был район майя, изобиловавший фресками[539].

Как же нам разрешить эту загадку и выяснить, откуда в городах майя взялись изображения теотиуаканских правителей? Во-первых, если мы что и знаем из истории о протяженных торговых путях, так это то, что на них очень часто попадают разные недобросовестные персонажи: бандиты, беглецы, мошенники, контрабандисты, религиозные фанатики, шпионы — или те, кто может одновременно играть сразу несколько ролей. То же самое наверняка происходило и в Мезоамерике. У ацтеков, например, были тяжело вооруженные торговцы-воины, почтека, которые собирали разведанные в тех городах, где вели торговлю.

История также полна примеров того, как отважные путешественники, попадая в чужое общество, либо чудесным образом становились здешними правителями, либо начинали восприниматься как воплощения некоей сакральной силы — «короли-чужеземцы» вроде Джеймса Кука, который в 1779 году бросил якорь у берегов Гавайев, где его приняли за древнего полинезийского бога плодородия Лоно; или же они, подобно Эрнану Кортесу, всеми силами старались убедить местных жителей в том, что к ним следует относиться как к божествам[77][540]. Множество династий по всему миру было основано подобным образом, когда мужчина (а это практически всегда были мужчины) таинственно появлялся откуда-то издалека. Легко представить, что отважный путешественник из знаменитого города вполне мог воспользоваться такой ситуацией. Могло ли что-то подобное произойти в низменностях майя в V веке н. э.?

Из надписей в Тикале мы знаем, как звали некоторых правителей-чужеземцев и их приближенных — или, по крайней мере, какие имена они взяли, став частью аристократии майя. Одного из них звали Сихьядж К>ахк' («рожденный из огня»), и он, судя по всему, сам никогда не правил, но помог нескольким «принцам» из Теотиуакана стать правителями городов майя, в том числе и Тикаля. Мы также знаем, что эти принцы женились на местных женщинах высокого ранга, а их потомки становились правителями майя и также подчеркивали связь своих предков с Теотиуаканом — «западным Толланом».

Благодаря изучению захоронений в Копане нам известно, что перед тем, как приобрести королевский статус, некоторые из этих предприимчивых искателей приключений вели активную жизнь, сражаясь, путешествуя и снова сражаясь, и часть из них были родом не из Копана или Теотиуакана, а из совсем других мест[541]. С учетом всех имеющихся данных,

представляется вероятным, что прародители династий майя изначально относились к группам, занятым путешествиями на большие расстояния — торговцам, солдатам удачи, миссионерам или даже шпионам, — которые, возможно, совершенно неожиданно для себя возвысились до королевской власти[542].

Аналогичные вещи происходили и в более близкие к нашему времени эпохи. Много столетий спустя, когда центр культуры майя и большинство ее крупнейших городов переместились на полуостров Юкатан на севере, эти территории также испытали аналогичное влияние Центральной Мексики, наиболее ярко проявившееся в городе Чичен-Ица, чей Храм воинов, судя по всему, был выстроен по образу столицы тольтеков — города Тулы (Толлана более поздней эпохи). Опять же, мы не знаем, что произошло на самом деле, но позднейшие хроники, которые продолжали тайно составляться во времена испанского правления, описывают Ицу почти так же: банда безродных воинов, «заикающиеся иностранцы» с запада, которые сумели взять под контроль несколько городов на Юкатане и вступили в длительное противостояние с другой династией тольтекских изгнанников — или, по крайней мере, изгнанников, которые настаивали, что они тольтеки по происхождению — под названием ксиу[543]. В этих хрониках много рассказывается о блужданиях изгнанников в глуши и их временной славе. В них часто встречаются обвинения в притеснении и мрачные пророчества, предрекающие будущие бедствия. Опять же, майя, по всей видимости, считали, что правитель должен прибыть издалека, и находились недобросовестные чужеземцы, готовые воспользоваться этой ситуацией.

Конечно, всё это лишь догадки. Тем не менее очевидно, что изображения и записи из таких мест, как Тикаль, больше говорят нам о представлениях о царской власти, бытовавших у майя, нежели о самом Теотиуакане, где пока не обнаружено ни одного убедительного доказательства существования института власти. «Мексиканские» принцы из низменностей майя, наделенные регалиями и восседающие на тронах, участвовали в грандиозном политическом представлении, аналогов которому не было на их предполагаемой родине. Если в Теотиуакане не было монархии, то какая же там была форма правления? Мы полагаем, что единственного верного ответа на этот вопрос не существует, а учитывая, что мы говорим о периоде длительностью в пять столетий, такого ответа не может быть.

Давайте посмотрим на центральную часть стандартного архитектурного плана Теотиуакана, составленного по результатам самого тщательного исследования городского ландшафта, когда-либо предпринимавшегося археологами[544]. Естественно, что археологи, изучившие огромный город площадью в восемь квадратных миль, хотят увидеть его весь и сразу, обернув его в одну емкую схему. Современные археологи часто демонстрируют нам планы Мохенджо-Даро и других «первых городов», на которых не учитывается хронология происходивших изменений, и столетия или даже тысячелетия истории города схлопываются на одной карте. Выглядит впечатляюще, но на самом деле это довольно плоская и искусственная картинка. В случае с Теотиуаканом — поражающая своей гармоничностью, но ошибочная.

В центре, удерживая весь мираж, находятся величественные сооружения — две пирамиды и Сьюдадела (Цитадель), внутри которой расположен Храм Пернатого змея. На многие мили вокруг простираются меньшие по размеру, но всё равно впечатляющие здания, в которых

проживало население города: около двух тысяч домов — искусных каменных сооружений, каждое из которых рассчитано на несколько семей. Дома расположены таким образом, что образуют ортогональную решетку, выровненную по церемониальному центру города. Перед нами возникает образ почти идеального в своей функциональности пространства гражданского процветания и социальной иерархии. Может показаться, что перед нами что-то вроде «Утопии» Мора или «Города Солнца» Кампанеллы. Но есть одна проблема. Жилые дома и пирамиды не вполне соотносятся друг с другом, по крайней мере не все из них. Они строились в разное время. Да и храм — совсем не то, чем кажется.

С исторической точки зрения всё это большая иллюзия. Для того чтобы разобраться в ситуации, мы попытаемся в общих чертах реконструировать, пусть даже предварительно, хронологию развития города.

Как жители Теотиуакана отказались от монументальных сооружений и человеческих жертвоприношений и вместо этого приступили к реализации выдающегося проекта по строительству социального жилья

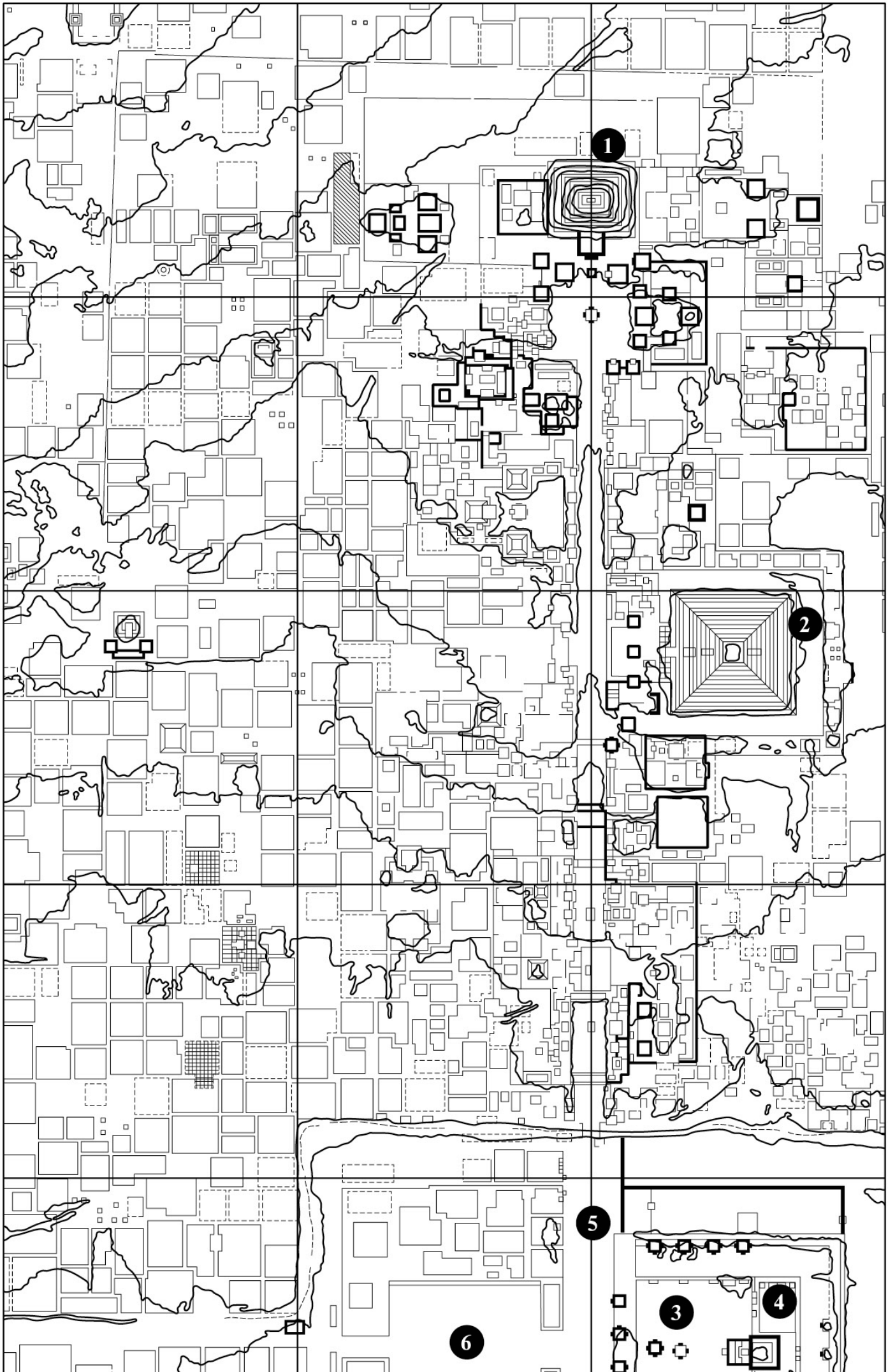
Теотиуакан начал разрастаться и превращаться в город около нулевого года. В это время по долине Мехико и Пуэюдл перемещались целые народы, спасавшиеся от последствий сейсмической активности на южных границах региона — в частности, плинианского извержения вулкана Попокатепетль. Между 50 и 150 годами н. э. в результате миграции людей в Теотиуакан прилегающие к нему земли опустели. Люди бросили деревни, города и даже крупные мегаполисы вроде Куикуилько, имевшие древние традиции возведения пирамид. Под несколькими футами пепла были погребены руины других поселений, оставленных людьми. В поселении пуэбло Тетимпа, расположенном всего в восьми милях от Куикуилько, археологи раскопали дома, которые предвосхищают — в меньшем масштабе — гражданскую архитектуру Теотиуакана[545].

В этом случае позднейшие хроники могут дать нам полезную информацию или по крайней мере пищу для размышлений. Народная память о массовом исходе жила вплоть до времен испанского завоевания. В одном предании, сохранившемся в пересказе францисканского монаха Бернардино де Саагун, рассказывается о том, что Теотиуакан был основан коалицией старейшин, жрецов и мудрецов, прибывших из других поселений. По мере того как город расширялся, он вбирал в себя более мелкие культурные традиции, в результате чего боги маиса и предки деревень стали соседствовать в нем с городскими божествами

огня и дождя.

То, что мы могли бы назвать «старым городом» Теотиуакана, было организовано по правилам системы приходов, в которой на каждый район приходилось свое святилище. Планировка этих районных храмов — три здания вокруг центральной площади — также повторяет план более ранних сооружений в Тетимпе, в котором царили культы деревенских предков[546]. В этот ранний период, с 100 до 200 года н. э., жилые кварталы Теотиуакана вполне могли представлять собой скопления лачуг, но мы не можем знать этого наверняка[547]. Точно так же мы не знаем, как в этом зарождающемся городе распределялся доступ жителей к пахотным угодьям и другим ресурсам. Местные жители повсеместно выращивали маис, служивший пищей и людям, и одомашненным животным. Люди держали и употребляли в пищу индеек, собак, кроликов и зайцев. Они также выращивали бобовые, охотились на белохвостых оленей и пекарей, собирали дикорастущие фрукты и овощи. С далекого побережья к ним поступали морепродукты — предположительно, в копченом или соленом виде. Но совершенно неясно, насколько сильно в этот период были взаимосвязаны между собой различные секторы городской экономики и каким именно образом ресурсы из более обширных внутренних районов прибывали в Теотиуакан[548].

Теотиуакан: жилые районы, расположенные вокруг главных монументов в центральной части города

Составлено на основе: Millon R. The Teotihuacán Map. Austin: University of Texas Press, courtesy the Teotihuacan Mapping Project and M. E. Smith, 1973.

Мы можем сказать, что усилия теотиуаканцев по созданию своей гражданской идентичности изначально были направлены на строительство памятников: священный город возник в период активной урбанизации[549]. Это означало создание совершенно нового ландшафта в центре Теотиуакана, что потребовало труда нескольких тысяч рабочих. Из земли вырастали пирамиды-горы, по которым текли искусственные реки, — всё это образовывало сцену для проведения календарных ритуалов. Жители Теотиуакана совершили невероятный подвиг в области гражданского строительства — они перенаправили каналы Рио Сан Хуан и Рио Сан Лоренцо таким образом, чтобы вписать их в ортогональную схему города и осушить их заболоченные берега (напомним, что эти работы проходили без применения рабочего скота и металлических орудий). В свою очередь эти строительные работы заложили основу для масштабной архитектурной программы, результатом которой стало возведение Пирамид Солнца и Луны, а также Храма Пернатого змея. Храм выходил на утопленную в земле площадь, в которой собирались паводковые воды Сан Хуана и образовывалось сезонное озеро. Его воды омывали разукрашенные резные изображения пернатых змеев и раковин на фасаде храма, заставляя их сверкать в конце весны, когда начинались дожди[550].

Строительство всех этих монументальных сооружений требовало жертв — не только труда и ресурсов, но и человеческих жизней. Каждый из основных этапов строительства связан с археологическими свидетельствами ритуальных убийств. Если сложить человеческие останки из двух пирамид и храма, то счет жертв пойдет на сотни. Их тела помещали в ямы или траншеи, расположенные симметрично в соответствии с планами тех зданий, которые предполагалось построить на местах захоронений. По углам Пирамиды Солнца были обнаружены останки принесенных в жертву младенцев; под Пирамидой Луны — скелеты чужеземных пленников, некоторые из которых были обезглавлены или иным образом изувечены; а в основании Храма Пернатого змея лежат останки мужчин-воинов, чьи руки были связаны за спиной в момент смерти, похороненных с орудиями труда и артефактами их прежнего занятия. Рядом с телами были найдены ножи и наконечники копий, безделушки из ракушек и зеленого камня, а также ожерелья из человеческих зубов и челюстных костей (как выяснилось, некоторые из них были искусной подделкой из раковины)[551].

Можно было бы подумать, что в этот момент — около 200 года н. э. — участь Теотиуакана была предрешена: ему было суждено встроиться в ряды «классических» мезоамериканских цивилизаций, для которых характерны глубоко укоренившиеся традиции воинской аристократии, и городов-государств, управляемых потомственной знатью. Таким образом, было бы логично ожидать дальнейших археологических свидетельств концентрации власти вокруг ключевых городских сооружений — роскошных дворцов, в которых обитали правители, обладающие привилегиями и богатством, а рядом с ними — кварталов для родни правящей элиты; развития монументального искусства, прославляющего их военные завоевания, полученную ими дань и их служение богам. Но мы видим совершенно иную картину, ведь жители Теотиуакана выбрали иной путь.

В действительности Теотиуакан довольно сильно отклонился от первоначальной траектории политического развития. Вместо строительства дворцов и кварталов для элиты жители приступили к реализации масштабного проекта реконструкции города, чтобы обеспечить высококачественным жильем практически всё население, вне зависимости от благосостояния и положения в обществе[552]. В отсутствие письменных источников мы не можем сказать, почему так вышло. Археологи пока не установили точную последовательность событий. Но ни у кого нет сомнений: в Теотиуакане что-то произошло, и сейчас мы попытаемся в общих чертах установить, что же именно.

По всей видимости, жизнь Теотиуакана кардинально изменилась около 300 года н. э. В это время или вскоре после этого Храм Пернатого змея был осквернен, а его хранилища подношений — разграблены. Храм был сожжен, но, помимо этого, множество голов Пернатого змея, напомилавших горгулий, были разбиты на мелкие осколки. К западу от храма была возведена платформа с огромными ступенями, в результате чего храм перестал быть виден с главного проспекта. Если вы сегодня посетите сильно отреставрированные руины Теотиуакана и захотите взглянуть на то, что осталось от его пучеглазых богов и пернатых змеев, то вам придется забраться на вершину платформы, которую археологи называют адосада[553].

После этого возведение пирамид прекратилось навсегда. Судя по всему, также прекратились и ритуальные убийства на Пирамидах Солнца и Луны, которые продолжали использоваться как гражданские памятники примерно до 550 года н. э. — правда, в других, менее кровавых целях, о которых нам мало что известно[554]. Мы видим, что после 300 года огромное количество городских ресурсов было направлено на возведение великолепных каменных домов, которые предназначались для подавляющего большинства жителей Теотиуакана, а не только для богатых и привилегированных. Вероятно, строительство внушительных жилых сооружений, возводившихся по всему городу на участках одинакового размера, не было новшеством рассматриваемого периода. Возможно, эти здания, образующие решетки на плане города, начали строить примерно за сотню лет до этого — тогда же, когда начался снос старых и ветхих жилищ, чтобы расчистить место для новых построек[555].

Сначала археологи решили, что эти каменные жилища являются дворцами, и, возможно, изначально, то есть около 200 года н. э., когда город двигался по пути политической централизации, они действительно играли такую роль. Но и после 300 года н. э., когда Храм Пернатого змея был осквернен, их строительство продолжалось полным ходом до того момента, пока большая часть из примерно ста тысяч обитателей города не переселились во «дворцы», или, по крайней мере, в очень комфортабельные жилища[556]. Как выглядели эти сооружения и как люди жили в них?

Судя по имеющимся данным, небольшие группы нуклеарных семей жили в комфортных одноэтажных зданиях, каждое из которых имело встроенные дренажные сооружения и аккуратно оштукатуренные полы и стены. По всей видимости, у каждой семьи было несколько комнат в общем жилом здании с личными портиками, через которые свет проникал в комнаты, не имевшие окон. Мы можем сделать вывод, что в среднем в таком доме проживало около ста человек, которые должны были регулярно сталкиваться друг с

другом во внутреннем дворике, где также проводились домашние ритуалы, за которыми, вероятно, наблюдали все жильцы дома совместно. Большинство коммунальных помещений имели алтари, выполненные в стандартном для гражданского строительства стиле (известном как талуд-таблеро), а стены в них часто были украшены яркими фресками. В некоторых внутренних двориках располагались пирамидальные святилища, что свидетельствует о том, что данная архитектурная форма начала играть новую роль в городе и лишилась прежнего ареола эксклюзивности[557].

Археолог Рене Мильон, создавший первую детализированную карту застройки Теотиуакана, считал, что эти дома изначально были своего рода социальным жильем, «предназначенным для жителей города, который становился всё более густонаселенным и, возможно, был близок к хаосу»[558]. Первоначально все дома были одинакового размера и возводились на участках площадью примерно 3600 квадратных метров, хотя были и некоторые исключения. В планировке комнат и внутренних двориков не наблюдалось строгого однообразия, так что в этом отношении каждый дом был уникальным. Даже в более скромных жилых зданиях мы видим свидетельства того, что их обитатели жили в комфорте: остатки импортных товаров и маисовых лепешек, яиц, индейки, мяса кролика и напитка молочного цвета под названием пульке (алкогольный напиток из забродившего сока агавы), составлявших основу их рациона[559].

Иными словами, в городе почти не было нуждающихся. Более того, уровень жизни многих горожан был настолько высок, что в этом отношении мало какие города, в том числе и ныне существующие, могут сравниться с Теотиуаканом. Теотиуакан действительно изменил свой курс и превратился из города, где правит монархия и аристократия, в «Толлан народа».

Но как случилась эта удивительная трансформация? Помимо осквернения Храма Пернатого змея, отсутствуют практически любые другие следы произошедшего насилия. Судя по всему, земля и ресурсы были распределены между соседствующими семейными группами. В этом многонациональном городе общественная жизнь групп соседей (численностью от шестидесяти до ста человек) происходила на двух уровнях. Первый был основан на родственных связях: семейные узы простирались далеко за пределы жилого дома, а зачастую даже за пределы города — как мы вскоре увидим, наличие этих связей порою могло приводить к неприятным последствиям. Второй уровень основывался на совместном проживании в домах и районах, что часто подкреплялось общей ремесленной специализацией (например, пошивом одежды или обработкой обсидиана).

Обе формы городского сообщества, существовавшие параллельно, сохраняли человеческий масштаб, далекий от нашего современного представления о «жилых комплексах», где тысячи нуклеарных семей уживаются в многоэтажных монолитных домах. Мы вернулись к вопросу, с которого начали: что удерживало этот «новый Теотиуакан» от развала, если не потомственная элита или другой правящий класс?

В отсутствие письменных источников нам, возможно, никогда не удастся узнать всех деталей, но теперь мы почти наверняка можем исключить версию о существовании в городе вертикальной системы управления, в которой элита (царские вельможи или жрецы) разрабатывали план и отдавали распоряжения. Куда вероятнее, что власть находилась в

руках местных собраний, возможно подотчетных руководящему совету. Доказательствами существования таких общественных объединений можно считать дошедшие до нас районные святилища, известные как «комплексы трех храмов». По городу было разбросано как минимум двадцать таких комплексов, которые в общей сложности обслуживали жителей двух тысяч домов, то есть на каждые сто домов приходилось по одному святилищу[560].

Это может означать, что власть была делегирована районным советам, которые управляли территориями, аналогичными по размеру тем, что входили в юрисдикцию городских палат Месопотамии и домов собраний в украинских мегапоселениях, о которых мы говорили в восьмой главе, или, если уж на то пошло, барриос в мезоамериканских городах более позднего периода. Возможно, вам трудно вообразить, чтобы город таких размеров мог успешно управляться подобным образом на протяжении столетий в отсутствие сильных лидеров и разветвленной бюрократии; но, как мы увидим, наше предположение подтверждают рассказы тех, кто посещал мезоамериканские города во времена испанского завоевания.

Другое, более жизнерадостное проявление гражданского самосознания жителей Теотиуакана содержится в его настенной живописи. Несмотря на все попытки рассматривать ее как мрачную религиозную иконографию, эти непринужденные живописные сценки — их начали изображать на внутренних стенах жилых домов примерно с 350 года н. э. — зачастую кажутся психоделическими[561]. Текущие тела, состоящие из переплетенных вместе растений, людей и животных, обрамлены фигурами в сложных костюмах, иногда заглатывающими галлюциногенные семена и грибы; а в массовых сценах мы видим поедающих цветы людей, у которых из головы вырывается радуга[562]. Зачастую в таких сценах все человеческие фигуры изображены одинакового роста и никто не выделяется на общем фоне[563].

Разумеется, на этих рисунках мы видим жителей Теотиуакана такими, какими им хотелось себя видеть; социальная реальность всегда гораздо сложнее. На то, насколько сложной она могла быть, в частности указывают результаты раскопок в той части города, которая расположена к югу от его центра и известна как Теопанкацко. Следы бытового характера, оставленные обитателями Теопанкацко (древнейшие из них относятся примерно к 350 году н. э.), указывают на то, что в районе жили хорошо обеспеченные люди, которые, судя по их украшенной раковинами одежде из хлопка, прибыли с побережья Мексиканского залива и продолжили торговать с этим регионом. Они также привезли с собой некоторые обычаи, в том числе необычайно жестокие ритуалы, следы проведения которых к настоящему моменту не обнаружены в других районах города. По всей видимости, эти ритуалы включали в себя захват в плен и обезглавливание врагов-чужеземцев, чьи головы затем хранили в сосудах для жертвоприношений, обнаруженных внутри частных домов[564].

Здесь мы сталкиваемся с ритуалом, который плохо увязывается с идеей совместного проживания в большом городе, и это именно то, на что мы хотим обратить внимание. Внутри гражданского общества Теотиуакана должно было существовать социальное напряжение между абсолютно разными в этническом и лингвистическом отношении группами, которые постоянно прибывали в город и покидали его, укрепляли отношения с иностранными

торговыми партнерами, отправлялись на поиски себя в далекие земли и иногда привозили с собой новые формы идентичности. (Можно представить себе, что бы произошло, если бы авантюрист из Теотиуакана, ставший правителем Тикаля, вернулся бы обратно домой.) Примерно к 550 году н. э. социальная ткань города начала трещать по швам. Нет никаких убедительных свидетельств того, что город подвергся иностранному вторжению. Судя по всему, всё распалось изнутри. Упадок Теотиуакана был столь же неожиданным, как и его возвышение за пятьсот лет до этого. Жители разбрелись кто куда, а их Толлан опустел[565].

Возвышение и упадок Теотиуакана положили начало циклическому паттерну концентрации и рассеивания населения в Центральной Мексике, который многократно повторялся между 300 и 1200 годами н. э. вплоть до разрушения Тулы и падения государства тольтеков[566]. Каким было наследие Теотиуакана и его грандиозного длительного городского эксперимента? Должны ли мы рассматривать этот эпизод как отклонение, заминку (хотя и очень продолжительную) на пути, ведущем от иерархии ольмеков к аристократии тольтеков и в конечном счете к империализму ацтеков? Или, быть может, эгалитарные идеи жителей Теотиуакана продолжали жить после того, как город опустел? Мало кто задавался последним вопросом, хотя для него есть весомые основания, особенно с учетом того, что сообщения первых испанцев, оказавшихся на Мексиканском нагорье, дают нам богатую пищу для размышлений — например, в них описаны города коренных народов, которые, с точки зрения европейцев, можно было назвать республиками или даже демократиями.

Раздел, в котором мы рассказываем об индигенной республике Тласкала, противостоявшей Ацтекской империи и потому заключившей союз с испанскими завоевателями, и отмечаем, что это судьбоносное решение стало результатом демократических дискуссий в городском парламенте (а не сногшибательного впечатления,

которое европейские технологии произвели на «умы индейцев»)

С учетом всего этого, давайте рассмотрим совершенно иной пример культурного контакта, который перенесет нас во времени к началу европейской экспансии в Америку. Речь пойдет о городе-государстве Тласкале, созданном неподалеку от современного мексиканского штата Пуэбла коренными жителями этих мест. Тласкала сыграла ключевую роль в покорении испанцами Ацтекской империи, которую также называют Тройственным союзом. Вот как Чарльз С. Манн в нашумевшей книге «1491: новые открытия об Америке до Колумба» описывает то, что произошло в 1519 году, когда Эрнан Кортес оказался в этих землях:

“Продвигаясь от побережья вглубь страны, испанцы сначала вели непрекращающуюся борьбу с Тласкалой, конфедерацией четырех небольших царств, сохранявшей независимость несмотря на постоянные нападения союза. Благодаря наличию огнестрельного оружия, лошадей и стальных клинков чужеземцы неизменно брали верх, даже в тех случаях, когда войска Тласкалы значительно превосходили их числом. Но силы Кортеса сокращались с каждым боем. От его армии уже почти ничего не осталось, когда четыре правителя Тласкалы резко сменили курс. Результаты сражений подтолкнули их к выводу о том, что они могут уничтожить европейцев, но ценой колоссальных жертв, тогда лидеры индейцев предложили испанцам взаимовыгодную, с их точки зрения, сделку: они перестанут атаковать Кортеса, сохранив тем самым жизнь ему, оставшимся испанцам и множеству индейцев, но в обмен на это он, объединившись с Тласкалой, выступит против ненавистного им Тройственного союза[567].

Здесь есть одна проблема. В Тласкале не было единоличных правителей. Следовательно, ее нельзя назвать конфедерацией царств. Почему же Манн считает иначе? Этот именитый научный журналист не был специалистом по истории Мезоамерики XVI века и полагался на вторичные источники; в них и заключается проблема.

Несомненно, Манн (как и любой здравомыслящий человек) исходил из того, что если Тласкала была не монархией — а, скажем, республикой, демократией или даже некоей формой олигархии, — то в литературе, посвященной им, должна вестись оживленная дискуссия о том, какое значение этот факт имеет не только для нашего понимания испанского завоевания как поворотной точки в истории современного мира, но и для развития коренных обществ Мезоамерики или даже для политической теории в целом. Но, как ни странно, если бы Манн размышлял подобным образом, то он оказался бы неправ[568]. Оказавшись в аналогичной ситуации, мы решили копнуть чуть глубже. Должны признаться, что результаты ошеломили даже нас. Давайте начнем с того, что сопоставим отрывок из Манна с сообщением, которое сам Кортес направил королю Священной Римской империи Карлу V.

В «Пяти посланиях-реляциях», написанных между 1519 и 1526 годами, Эрнан Кортес рассказывает о своем вступлении в окруженную горами долину Пуэбла на южной оконечности Мексиканского нагорья. В это время в долине располагались многочисленные города коренных жителей, в число крупнейших из которых входили Тласкала и усеянная пирамидами Чолула. Именно в Тласкале Кортес нашел союзников, вместе с которыми он сначала двинулся на Чолулу, а затем разбил армии Монтесумы Младшего и разрушил столицу ацтеков Теночтитлан в соседней долине Мехико. По подсчетам Кортеса, население Тласкалы и зависимых от него деревень составляло сто пятьдесят тысяч человек. «В этом городе есть рынок, — сообщал он Карлу V, — где каждый божий день собираются более тридцати тысяч человек, кто продает, кто покупает», а в провинции «много обширных, красивых долин, и все они старательно возделаны и засеяны, так что пустого места не найдешь, по окружности же она насчитывает более девяноста лиг». Кроме того, «порядок, который они там установили и какого придерживаются в правлении, похож на то, как правят в Венеции и Генуе или Пизе, ибо тут нет одного господина над всеми»[569].

Кортес был мелким аристократом из той части Испании, где даже муниципальные советы еще были в новинку; можно было бы утверждать, что он был плохо знаком с республиканской формой правления и что нам, следовательно, не стоит слишком доверять его суждениям по этому вопросу. Может быть и так, но к 1519 году он уже достаточно хорошо знал мезоамериканских царей и умел привлекать их на свою сторону либо побеждать, поскольку именно это было его основным занятием с момента прибытия на континент. В Тласкале он не обнаружил монархов. После первых столкновений с тлашкальтекскими воинами он вступил в переговоры с представителями народного городского совета, каждое решение которого нуждалось в коллективном одобрении. И здесь происходит нечто странное — мы имеем в виду то, в каком виде до нас дошли эти события.

Стоит еще раз подчеркнуть, что речь идет об одном из ключевых, с точки зрения большинства исследователей, эпизодов в истории современного мира: событиях, непосредственно приведших к завоеванию Ацтекской империи испанцами, по образцу которых в дальнейшем действовали другие европейские завоеватели на Американском континенте. Мы полагаем, что никто — даже те, кто неистово верит в силу «ружей, микробов и стали», — не станет утверждать, что группа испанцев численностью менее тысячи человек смогла бы покорить Теночтитлан (высокоорганизованный город площадью более пяти квадратных миль и с населением примерно четверть миллиона человек) без помощи местных союзников, в число которых входило двадцатитысячное войско Тласкалы. Поэтому, если мы хотим понять, что произошло на самом деле, важно выяснить, почему тлашкальтеки решили заключить союз с Кортесом и как — с населением в несколько десятков тысяч человек и без верховного правителя — они приняли такое решение.

На первый вопрос источники дают однозначный ответ. Тлашкальтеки решили свести старые счеты. С их точки зрения, союз с Кортесом мог помочь им добиться победы в противоборстве с ацтекским Тройственным союзом и в так называемых Цветочных войнах между долинами Пуэбла и Мехико[570]. Как это обычно бывает, большая часть источников отражает точку зрения ацтекских элит, которые объясняют длительное сопротивление Тласкалы натиску их империи несерьезным характером противостояния и своим имперским великодушием (как

ацтеки впоследствии доказывали испанским завоевателям, они позволяли тлашкальтекам сохранять независимость по той причине, что солдатам империи нужно было где-то тренироваться, а их жрецам требовался запас человеческих жертв и так далее). Но это всё бахвальство. На самом деле Тласкала и ее партизанские отряды отомы успешно противостояли ацтекам на протяжении жизни нескольких поколений. Их сопротивление было не только военным. Тлашкальтеки культивировали особый гражданский этос, который препятствовал появлению амбициозных лидеров и, следовательно, потенциальных предателей, — их этос представлял собой полную противоположность ацтекским принципам управления.

Здесь мы подходим к сути проблемы.

В политическом отношении столица ацтеков Теночтитлан и город-государство Тласкала воплощали собой противоположные идеалы (подобно Спарте и Афинам). Тем не менее мы мало что знаем об этом противостоянии, поскольку в привычной нам истории завоевания Америк всё совершенно иначе. Падение Теночтитлана в 1521 году часто используется, чтобы проиллюстрировать воздействие глубинных сил, которые, по мнению некоторых исследователей, определяют изменения в человеческих обществах: сил, которые определяют общую форму и направление исторического процесса. Начиная с Альфреда Кросби и Джаред Даймонда[571], авторы, придерживающиеся этого подхода, раз за разом отмечают, что победа испанцев была predetermined судьбой. Но речь не о той предначертанной богом судьбе, в которую верили испанцы, а о непоколебимой силе невидимой армии неолитических микробов Старого Света, которые наступали вместе с испанцами, неся с собой волны смертоносной для местного населения оспы. А также о стальном оружии, ружьях и лошадях, которые достались европейцам в наследство от бронзового века и которые вселяли страх и трепет в беспомощных коренных жителей Америк.

Нам нравится убеждать себя, что европейцы познакомили американцев не только с этими разрушительными событиями, но также и с современной промышленной демократией, составляющие которой отсутствовали в Америке даже в зачаточном виде. Предполагается, что американцы получили всё это в едином культурном «комплекте»: развитую металлургию, транспортные средства на животной тяге, алфавитные системы письма и определенную склонность к свободомыслию, которая считается необходимым условием технического прогресса. Что касается «туземцев», то принято считать, что они, напротив, существовали в своего рода альтернативной квазимистической вселенной. Они по определению не могли вести споры о политических структурах или трезво обдумывать решения, способные изменить ход человеческой истории; если европейские наблюдатели и сообщали о чем-то подобном, то они либо ошибались, либо проецировали на «индейцев» собственные представления о демократическом управлении, даже если в самой Европе такие идеи не практиковались.

Как мы увидели, такой способ прочтения истории был чужд философам Просвещения, считавшим, что своими идеалами свободы и равенства они во многом обязаны народам Нового Света, и совсем не уверенным в том, что эти идеалы вообще совместимы с промышленным прогрессом. Мы опять же имеем дело с влиятельными современными

мифами. Такие мифы не просто определяют то, что говорят люди: в еще большей степени их влияние проявляется в том, что некоторые вещи исчезают из поля зрения, становятся незаметными. Некоторые ключевые древние источники о Тласкале вовсе не были переведены, а новые данные, появившиеся в последние несколько лет, по большей части так и остаются достоянием узкого круга специалистов. Давайте посмотрим, сможем ли мы прояснить ситуацию.

Каким именно образом тлашкальтеки приняли решение заключить военный союз с Кортесом, обеспечив тем самым победу испанцев над Ацтекской империей? Очевидно, что вопрос о союзе был сложным и вызвал глубокие разногласия (так же обстояли дела и в других городах Пуэбла: например, в Чолуле та же дилемма привела к расколу среди лидеров шести кальпулли — городских палат, трое из которых взяли остальных в заложники, после чего те, освободившись, бежали в Тласкалу)[572]. Однако в самой Тласкале спор принял совершенно иную форму.

Кое-какую информацию об этом можно найти в знаменитой «Правдивой истории завоевания Новой Испании» (1568) Берналя Диаса, которая содержит пространные описания контактов испанцев с воинами и эмиссарами Тласкалы. Еще один часто используемый источник — иллюстрированный кодекс «История Тласкалы» (1585), составленный историком-метисом Диего Муньосом Камарго. Кроме того, важное значение имеют сочинения францисканского монаха Торибио де Бенаvente. Но наиболее подробным — и, на наш взгляд, ключевым — источником является книга, которую почти никогда не цитируют и, более того, почти никогда не читают, по крайней мере историки (хотя специалисты по гуманизму эпохи Ренессанса иногда обсуждают ее литературный стиль). Мы говорим о незаконченной «Хронике Новой Испании», созданной между 1558 и 1563 годами Франциско Сервантесом де Салазаром, одним из первых ректоров университета Мехико[573].

Франциско Сервантес де Салазар родился около 1515 года в испанском городе Толедо. Он учился в престижном университете Саламанки, где заработал себе превосходную научную репутацию. После пребывания во Фландрии Салазар стал латинским секретарем архиепископа Севильи, благодаря чему получил доступ ко двору Карла V, где он услышал рассказы Эрнана Кортеса о его пребывании в Новом Свете. Молодой и одаренный ученый вскоре стал почитателем конкистадора, и спустя несколько лет после смерти Кортеса в 1547 году Сервантес де Салазар отплыл в Мексику. Там он начал преподавать латынь на территориях, принадлежавших сыну и наследнику Кортеса, но в скором времени стал руководить недавно основанным университетом, приняв при этом духовный сан, и всю оставшуюся жизнь с переменным успехом совмещал церковные и научные обязанности.

В 1558 году муниципалитет Мехико, в который в основном входили конкистадоры в первом поколении или их потомки, оказался настолько впечатлен научными способностями Сервантеса де Салазара, что исполнил его самое заветное желание: выделил ему ежегодную стипендию в двести золотых песо на составление общей истории Новой Испании, внимание в которой было бы сосредоточено на открытиях и завоеваниях. Это была серьезная поддержка, а два года спустя Сервантес де Салазар (уже написавший часть текста и погрузившийся в материал) выиграл еще один грант, который должен был обеспечить финансирование его полевого исследования. Он должен был посетить Тласкалу

и ее окрестности, чтобы получить ценную информацию непосредственно от местных касиков, переживших конкисту, и от их ближайших потомков[574].

Судя по всему, муниципалитет держал нанятого летописца на коротком поводке, требуя раз в три месяца сообщать о ходе работы над текстом. Последнее сообщение от него датировано 1563 годом. К этому времени Сервантес де Салазар, несмотря на все попытки избежать конфликта, оказался втянут в ожесточенный церковный спор, что поставило его в оппозицию генеральному инквизитору, могущественному Педро Мойя де Контрерасу. В эти жестокие годы Мартин Кортес и многие другие близкие соратники Сервантеса де Салазара были заключены в тюрьму, подвергнуты пыткам или сосланы по обвинению в мятеже против испанской короны. Сервантес де Салазар пошел на серьезные уступки, чтобы избежать такой участи. Однако его репутация пострадала, и по сей день его труд считается малозначимым академическим источником по сравнению, скажем, с Бернардино де Саагуном. В конечном счете судьба работ обоих ученых оказалась схожей: они подверглись цензуре со стороны императорского Совета по делам Индий и испанской инквизиции из-за описания «практик идолопоклонства» (но не политической жизни коренных народов), в результате чего оригиналы и все копии их работ были запрещены к обращению[575].

Как следствие, «Хроника» Сервантеса де Салазара столетиями была фактически спрятана у всех на виду[576]. Во многом выдающимся усилием антрополога и исследовательницы-археолога Зелии Марии Магдалены Нутталь (1857–1933), обнаружившей утраченные кодексы, мы обязаны повторным открытием не только незаконченной «Хроники Новой Испании» Сервантеса де Салазара, которую она в 1911 году нашла в Национальной библиотеке Испании, но и большинства сохранившихся и известных нам подробностей о его жизни и обстоятельствах создания этого текста, которые она выяснила в ходе работы в архивах городского совета Мехико, обнаружив (к своему изумлению), что менее внимательные историки, работавшие до нее, не нашли там ничего достойного внимания. «Хроника» была опубликована только в 1914 году. По сей день она не получила критического введения или комментария, который помог бы читателям в знакомстве с текстом XVI века и подчеркнул бы его значение как источника знания о политической жизни индигенного мезоамериканского города[577].

Критики подчеркивают, что Сервантес де Салазар работал над хроникой спустя несколько десятилетий после описываемых им событий, опираясь на более ранние тексты, — но то же касается и всех остальных ключевых источников по истории испанского завоевания. Они также отмечают, что Салазар был не особо компетентным этнографом, в отличие, скажем, от Саагуна, и был лучше знаком с сочинениями Горация и Ливия, чем с традициями коренного населения Мексики. Возможно, это действительно так, но также верно и то, что в рамках литературной традиции того времени авторы ссылались на греческие и особенно римские примеры при любом удобном случае. Тем не менее «Хроника» явно не является проекцией тех знаний, которые Салазар получил благодаря своему классическому образованию. Она содержит в себе подробные описания местных жителей и институтов периода испанского вторжения, которые не имеют никаких аналогов в классических источниках и которые во многих случаях подтверждаются свидетельствами непосредственных очевидцев. Чего очевидным образом нет в других отчетах, так это подробностей, которые приводит Сервантес де Салазар.

Особый интерес для нас представляют расширенные разделы «Хроники», которые имеют непосредственное отношение к правящему совету Тласкалы и проходившему в нем обсуждению, следует ли заключать союз с испанскими захватчиками или нет. В этих разделах подробно рассказывается о речах и дипломатических дарах, которыми обменивались представители испанцев и тлашкальтеки, чьи блестящие выступления на совете вызвали большое восхищение. Согласно Сервантесу де Салазару, от Тласкалы выступали в том числе пожилые государственные деятели — такие как Хикотенкатль Старший, отец военачальника с таким же именем, которого по сей день почитают в штате Тласкала[578], а также умелые торговцы, религиозные служители и представители высших законодательных органов. Очевидно, что эти примечательные пассажи Салазара описывают функционирование не королевского двора, а развитого городского парламента, стремящегося прийти к консенсусу путем аргументированной и продолжительной дискуссии, которая при необходимости могла продолжаться неделями.

Важнейшие для нас фрагменты содержатся в третьей книге. Кортес всё еще стоит лагерем за пределами города вместе со своими новыми союзниками из племени тотонаков. Послы перемещаются туда-сюда между лагерем испанцев и аюнтамьенто (городским советом) Тласкалы, в котором происходит обсуждение. После многочисленных приветствий и целования рук некто по имени Максикатцин — хорошо известный своим «благоразумием и приветливостью в общении» — красноречиво призывает тлашкальтеков прислушаться к его мнению (более того, предписанию богов и предков) и заключить союз с Кортесом, чтобы выступить против их общего противника, ацтеков. Многие члены совета соглашались с его аргументацией до того момента, пока в дело не вмешивается почти слепой Хикотенкатль Старший, которому к тому моменту было более ста лет.

Далее подробно рассказывается о «смелой речи, с которой выступил Хикотенкатль в споре с Максикатцином». Нет большей угрозы, напоминает он совету, чем «внутренний враг», и таким врагом, скорее всего, станут чужеземцы, если их примут в городе. Почему, задается вопросом Хикотенкатль,

“...Максикатцин считает богами людей, которые больше напоминают хищных чудовищ, выброшенных буйным морем, чтобы уничтожить нас, и охотятся на золото, серебро, камни и жемчуг, спят в одежде и вообще ведут себя как те, кто однажды превратится в жестоких хозяев... Едва ли на всей земле найдется столько куриц, кроликов и полей маиса, чтобы удовлетворить бесконечные аппетиты этих людей или их жадных «олений» [лошадей испанцев]. Зачем нам — не знающим рабства и никогда не признававшим над собой власти какого-либо правителя — проливать свою кровь только для того, чтобы сделать себя рабами?[579]

Члены совета были потрясены словами Хикотенкатля: «они начали шептаться, говорить друг с другом, голоса становились громче, все высказывали, что думают». Мнения членов совета разделились, и они не смогли достичь консенсуса. Затем произошло то, с чем сталкивался любой, кто участвовал в принятии решения на основе консенсуса: когда кажется, что всё идет к открытой конфронтации, то вместо того, чтобы ставить вопрос на

голосование, кто-то предлагает творческое решение, синтезирующее две противоположные позиции. Темилотекутль — один из четырех городских «старших судей» — предложил хитрый план. Чтобы удовлетворить обе стороны, Кортеса пригласят в город, но как только он войдет на территорию Тласкалы, главный военачальник города Хикотенкатль Младший вместе с воинами отоми нападет на него из засады. Если засада удастся, они будут героями. Если нет, то они возложат вину на неотесанных и импульсивных отоми, принесут извинения и заключат союз с захватчиками.

Нет необходимости снова пересказывать события, приведшие к заключению союза между Тласкалой и Кортесом[580]; сказанного достаточно, чтобы дать читателям представление о наших источниках, касающихся демократии в Тласкале, и о способностях местных политиков вести аргументированные дебаты. Современные историки нелучшим образом распоряжаются этими источниками. Мало кто заходит так далеко, чтобы утверждать, что описываемые Салазаром события в действительности никогда не происходили или что автор просто вложил в уста «индейцев» те речи, которые, по его представлениям, могли бы звучать на древнегреческой агоре или в римском сенате. Тем не менее в тех редких случаях, когда современные ученые обращаются к «Хронике», они главным образом рассматривают ее в контексте литературы раннего христианского гуманизма, а не как источник исторической информации об индигенных формах правления, — примерно так же, как комментаторы сочинений Лаонтана никогда особо не задумывались о том, что же на самом деле говорил Кондиаронк, заиклившись на версии, что некоторые фрагменты текста могли быть вдохновлены греческими сатириками вроде Лукиана[581].

Налицо легкий снобизм. Дело не в том, что кто-то прямо отрицает достоверность сообщений о политических дискуссиях, просто никто не придает этому факту особого значения. Историков неизменно интересует то, как эти сообщения связаны с европейскими текстологическими традициями или европейскими ожиданиями. Примерно то же самое происходит и при рассмотрении более поздних текстов из Тласкалы. До нас дошли подробные письменные протоколы заседаний муниципального совета города — «Акты Тласкалы», относящиеся к десятилетиям после испанского завоевания. В них мы находим многочисленные подтверждения того, что местные политики обладали ораторскими навыками, а также были способны принимать решения на основе консенсуса и вести аргументированные дискуссии[582].

Вы, возможно, решили, что это интересно историкам. Но нет. Вместо этого они рассуждают о том, в какой степени изложенные в текстах демократические идеи и нравы могут быть результатом невероятного приспособления «проницательных индейцев» к политическим ожиданиям их европейских господ: по сути, они предполагают, что это было тщательно разыгранное представление[583]. Неясно, почему историки воображают, что испанские монахи, мелкие аристократы и солдаты XVI века имели хоть какое-то представление о демократических процедурах (не говоря уже о том, чтобы быть под впечатлением от этих процедур), ведь в этот период образованные европейцы почти единодушно придерживались антидемократических взглядов. Если кто и вынес из этих контактов что-то новое, так это испанцы.

В нынешнем интеллектуальном климате утверждать, что тлашкальтеки не были циниками или жертвами, несколько опасно: вы рискуете навлечь на себя обвинения в наивном романтизме[584]. Сейчас практически любое заявление о том, что европейцы научились у коренных американцев чему-то ценному в моральном или социальном отношении, вероятнее всего, вызовет легкую усмешку и обвинения в потакании клише «благородного дикаря», а иногда и почти истеричное осуждение[585].

Но можно привести веские аргументы в пользу того, что зафиксированные в испанских источниках дискуссии являются именно тем, чем они кажутся — взглядом чужеземцев на механику коллективного управления у коренных народов, — и если эти дискуссии имеют какое-то поверхностное сходство с тем, что мы можем встретить у Фукидида или Ксенофонта, то это потому, что существует не так много способов политической дискуссии. Как минимум в одном испанском источнике мы находим прямое тому подтверждение. Речь идет о тексте монаха Торибио де Бенаvente, которого местные жители за его потрепанный вид прозвали *Motolinía* («Страждущий»), а он, судя по всему, с радостью принял это прозвище. Именно «Страждущему» и его тлашкальтекским собеседникам — в их числе был Антонио Хикотенкатль, вероятнее всего, внук Хикотенкатля Старшего — мы обязаны «Историей индейцев Новой Испании» (1541)[586].

Motolinía подтверждает первые наблюдения Кортеса: Тласкала действительно представляла собой индигенную республику, которая управлялась не верховным правителем и даже не сменяющимися должностными лицами (как в Чолуле), а советом избираемых чиновников (теуктли), подотчетным всем гражданам города. Неясно, сколько всего человек заседало в верховном совете Тласкалы, испанские источники дают нам разные цифры: от пятидесяти до двухсот человек. Возможно, это число зависело от обсуждаемого вопроса. К сожалению, *Motolinía* также ничего не сообщает о том, каким образом люди избирались на должности и кто имел право баллотироваться в совет (в других городах долины Пуэбла, в том числе с монархической формой правления, на официальные должности избирались представители кальпуллий). Однако, когда речь заходит о способах политического воспитания и обучения в Тласкале, рассказ «Страждущего» оживает, сообщая нам много интересного.

Претенденты на роль члена совета Тласкалы должны были продемонстрировать не личную харизму или способность превзойти соперников, а скорее продемонстрировать самоунижение — даже стыд. Они должны были подчинить себя жителям города. Чтобы убедиться в том, что это подчинение не было лишь внешним, каждый из них должен был пройти несколько испытаний, начиная с обязательных публичных оскорблений, считавшихся надлежащей наградой за амбициозность, а затем начинающие политики — с уже растоптанным самомнением — должны были пробыть долгое время в одиночестве, постясь, воздерживаясь от сна, совершая кровопускания и проходя строгое нравственное воспитание. Инициация завершалась выходом новоиспеченного государственного служащего «в свет», которое сопровождалось пиршеством и празднеством[587].

Очевидно, что в этой индигенной демократии от политиков требовались личные качества, сильно отличающиеся от тех, которые считаются само собой разумеющимися в современной электоральной политике. Еще древнегреческие авторы хорошо понимали, что выборы зачастую приводят к власти харизматических лидеров с тираническими наклонностями. Вот

почему они считали, что выборы характерны для аристократических режимов и полностью противоречат демократическим принципам. И именно по этой причине на протяжении большей части европейской истории по-настоящему демократическим способом назначения должностных лиц считалась лотерея.

Кортес вполне мог восхищаться Тласкалой, воспринимая ее как сельскохозяйственную и торговую аркадию, но, как объясняет Motolinía, сами жители города считали, что своими политическими ценностями они обязаны обитателям пустынь. Тлашкальтеки, как и другие носители языка науатль (в том числе и ацтеки), любили называть себя потомками чичмеков. Считалось, что они были первыми охотниками-собирающими и вели аскетичное существование в пустынях и лесах, обитая в примитивных хижинах, не зная ни сельской, ни городской жизни, отказываясь от маиса и вареной пищи, не имея одежды и организованной религии, используя только ресурсы дикой природы[588]. Испытания, через которые требовалось пройти новым членам совета Тласкалы, были призваны напомнить им о необходимости воспитывать в себе чичмекские качества (которые уравнивались тольтекскими добродетелями городского воина; тлашкальтеки вели долгие споры о том, в каких пропорциях их необходимо сочетать).

Если всё это звучит немного знакомо, мы должны задаться резонным вопросом — почему? Испанские монахи, несомненно, слышали в этих историях отголоски историй о республиканской добродетели Старого Света — той самой атаквистической жилки, которая тянется от библейских пророков до Ибн Хальдуна, не говоря уже об их собственной этике отречения от мирской жизни. Эти совпадения заставляют задуматься: не обстояло ли дело таким образом, что тлашкальтеки в своей автоэтнографии описывали себя в знакомых и мгновенно понятных для испанцев категориях? Мы знаем, что жители Тласкалы устраивали театральные представления для своих завоевателей, в том числе представление 1539 года, когда они инсценировали взятие крестоносцами Иерусалима, кульминационным моментом которого стало обращение в христианство (настоящих) язычников, переодетых маврами[589].

Возможно, именно из тлашкальтекских или ацтекских источников испанцы узнали о том, что значило когда-то быть «благородным дикарем». Мы также не можем исключать возможность того, что взгляды и идеи коренных мексиканцев по этому вопросу проникли в европейскую политическую мысль, которая набрала силу только во времена Руссо, чье описание естественного состояния имеет поразительные сходства с рассказом Motolinía о чичмеках, вплоть до упоминания о «примитивных хижинах», в которых те, как предполагалось, живут. Возможно, некоторые из семян нашей собственной эволюционной истории о том, как всё началось с простых эгалитарных охотников-собирающих, были посеяны именно там, в воображении живших в городах коренных жителей Америк.

Но мы отвлеклись.

Какой вывод мы можем сделать о политическом устройстве Тласкалы во времена испанского завоевания с учетом этого взаимного противопоставления? Действительно ли перед нами работающая городская демократия, и если да, то сколько еще таких демократий могло существовать в доколумбовой Америке? Или мы имеем дело с миражом,

стратегическим конструктом «идеального общества», рассчитанным на восприимчивых монахов-милленаристов? Имело ли здесь место сочетание элементов истории и мимесиса?

Будь у нас в распоряжении только письменные источники, то всегда оставалось бы место для сомнений. Но археологи подтверждают, что в XIV веке н. э. город Тласкала действительно был организован совершенно иначе, чем Теночтитлан. Там нет никаких следов дворца, где бы восседал правитель, центрального храма или большой площади для игры в мяч (вспомним, что такие места играли важную роль в королевских ритуалах в других мезоамериканских городах). Вместо этого мы видим город, почти полностью застроенный хорошо оборудованными жилыми домами, которые возводились в соответствии с едиными высокими стандартами качества и располагались вокруг более чем двадцати площадей, каждая из которых располагалась на массивной земляной террасе. Крупнейшие муниципальные собрания размещались в общественном комплексе под названием Тицатлан, но он находился за пределами города и имел пространства для народных собраний, попасть на которые можно было пройдя через широкие ворота[590].

Современные археологические исследования подтверждают, что еще задолго до того, как Кортес ступил на мексиканскую землю, в Тласкале существовала индигенная республика, а позднейшие письменные источники практически не оставляют сомнений в ее демократическом характере. В этом отношении Тласкала поразительным образом отличается от других известных нам мезоамериканских городов того же периода, правда, стоит отметить, что и демократические Афины в V веке тоже представляли собой своего рода аномалию и были со всех сторон окружены мелкими царствами и олигархиями. Но не следует преувеличивать эти различия. В этой главе мы выяснили, что политические традиции Тласкалы вовсе не являются аномалией, а связаны с процессом развития городов, в своих общих чертах восходящим к экспериментам в области социального обеспечения, предпринятым в Теотиуакане за тысячу лет до того. Несмотря на то, что ацтеки претендовали на особую связь с этим заброшенным городом, Тласкала была его наследницей как минимум в той же степени, что и ацтекская столица Теночтитлан, а в большинстве по-настоящему важных аспектов имела с ним даже более тесную связь.

В конце концов именно ацтекские правители Теночтитлана окончательно порвали с прежней традицией, создав хищническую империю, которая в некоторых отношениях была ближе к европейским политическим моделям того времени, то есть к тому, что впоследствии стало известно под названием «государство». В следующей главе мы поговорим о значении этого термина. Что именно представляет собой государство? Действительно ли появление государства стало началом абсолютно нового этапа человеческой истории? Есть ли сейчас какой-то смысл в этом термине?

Версия #1

Зверобой создал 8 февраля 2026 00:57:34

Зверобой обновил 8 февраля 2026 01:01:10